

Фадеева Ирина Евгеньевна

КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОЕ ЗНАНИЕ И ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНАЯ ПЕРСОНОЛОГИЯ (ОБРАЗОВАНИЕ И КУЛЬТУРОГЕНЕЗ)

Статья посвящена проблемам современного культурогенеза, который, по мысли автора, представляет собой результат проекции индивидуального "Я" в пространство культуры. Автор полагает, что исходной точкой культурогенеза является экзистенциальный опыт личности, который в современной ситуации вступает в противоречие с технологизированной и бюрократизированной средой. В статье обосновано значение культурологического образования как необходимого фактора, определяющего трансцендирование "Я", и поэтому фактора развития культуры.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2014/8-2/46.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2014. № 8 (46): в 2-х ч. Ч. II. С. 175-178. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2014/8-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

УДК 008+130.2

Культурология

Статья посвящена проблемам современного культурогенеза, который, по мысли автора, представляет собой результат проекции индивидуального «Я» в пространство культуры. Автор полагает, что исходной точкой культурогенеза является экзистенциальный опыт личности, который в современной ситуации вступает в противоречие с технологизированной и бюрократизированной средой. В статье обосновано значение культурологического образования как необходимого фактора, определяющего трансцендирование «Я», и поэтому фактора развития культуры.

Ключевые слова и фразы: культурогенез; экзистенциальный опыт; экзистенциально-рефлексивная деятельность; рефлексия; культурологическое образование.

Фадеева Ирина Евгеньевна, д. культурологии, профессор

Сыктывкарский государственный университет

iefadeeva@mail.ru

КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОЕ ЗНАНИЕ И ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНАЯ ПЕРСОНОЛОГИЯ (ОБРАЗОВАНИЕ И КУЛЬТУРОГЕНЕЗ)©

Говоря о современной культуре, исследователь оказывается в непростой ситуации. Не вписываемая в единый оком, разношерстная и разнонаправленная реальность, вторгаясь в сознание наблюдающего, перестраивает его, заставляя видеть происходящие в культуре процессы с одной, ценностно и предметно локализованной позиции, не давая возможности увидеть целое. Постнеклассическая рациональность, формирующая научное знание (и его социально-практические, образовательные, художественные проекции) как знание рефлексивное – в отличие от его репродуктивного и конструирующего этапов [8, с. 51], становится почвой для культурологии как способа интеллектуальной рефлексии культуры. Эта рефлексивная природа культурологии делает ее подобием ленты Мёбиуса, превращая знание о культуре как объекте в знание культурой себя как субъекта, исследование предметности культуры как рефлексии субъектности исследователя. Радикальные в XX-XXI веках трансформации культуры становятся формой изменения субъективности: постулируемая с легкой руки Р. Барта и М. Фуко смерть субъекта как субъекта картезианского *cogito* оказалась его универсализацией: трансцендирование классической фигуры наблюдателя за пределы субъекта, интеллектуально созерцающего или практически действующего в мире объектов, не уничтожило возможность наблюдения, но создало стереоэффекты наблюдения за наблюдающим.

В этом аспекте универсальный характер приобретает культурология как образовательная парадигма, постепенно формируемая современной философией образования, но чрезвычайно медленно осваиваемая дидактическими и воспитательными практиками. Можно с уверенностью утверждать: культурологическое знание – единственный сегодня способ культурогенеза. Но именно в этом заключен один из главных парадоксов культуры. Оказываясь в ситуации разрыва, образуемого противостоящими друг другу силами – с одной стороны, массовой культурой и десубъективацией коммуникативных процессов и, с другой, рефлексивностью современных форм знания и все более интеллектуально насыщенным информационным пространством, – индивидуальное сознание оказывается в ситуации невозможности самоконцептуализации как реализации себя в качестве субъекта, становясь *объектом* внешних манипулятивных (когнитивных, ценностных, информационных) технологий. Десубъективация личности (должной вместе с тем переходить на более высокий уровень самосознания), как и деперсонализация окружающей бюрократизированной и/или технологизированной среды, оборачивается тавтологичностью, римейковостью художественных, знаниевых, социальных практик. Поэтому исходной точкой современного культурогенеза является не просто экзистенциальный опыт отдельной личности, но опыт личности, погруженной в многоголосое, фрагментированное, пульсирующее информационное поле. Причем обе составляющие этого взаимодействия – экзистенциально-персоналогическая и информационно-культурная – не просто сосуществуют в сознании индивида, но перестраивают и переформируют друг друга. Иными словами, укорененный в индивидуальном сознании культурогенез имеет экзистенциально-рефлексивную природу, и вся толща информационных пластов окружающего социокультурного пространства (фрагментированного и ценностно, формально, в смысловом отношении разнородного) не только вбирается сознанием, но и вбирает его в себя. Индивид оказывается в ситуации перманентной интеллектуальной, социальной, художественной турбулентности. При этом интеллектуальная, художественная, политическая элита – или «Автор» – оказывается встроенной в разновекторное пространство современности, а не трансцендирована во внешнее пространство чистых интеллектуальных сущностей и идеальных ценностей. Поэтому все более очевидным становится тот факт, что массовая культура – вовсе не инородное тело в поле некоей подлинной культуры. Массовая культура – слепок глубоких трансформаций сознания современного человека и измененных форм его социальности и когниции. Причем стандартизированные интеллектуальные и поведенческие габитусы «овнешненного» человека, погруженного в энтропийные миры массовой культуры, зримо соседствуют сегодня с «транскогнитивными» (выходящими

за пределы логических конструкций и научно отрефлексированных понятий), нестандартизированными интеллектуальными практиками, достигая массового сознания порой в «странном», алогичном обличье мистицизма, экстрасенсорики, «тайн мира». Попадая в ситуацию перманентной турбулентности, сознание стремится выйти за ее пределы, становясь метасознанием, транскогницией как симультанным интеллектуальным или творческим инсайтом – или – в случае «наивного» сознания – «наивной» верой в «чудесное». Попытка интериоризации противоречивых разнонаправленных смысловых векторов оборачивается или их встраиванием в более высокий интеллектуальный и социально-практический метауровень, или – в случае ее «провала» – приводит к аннигиляции индивидуального и растворения его в абстрактном, несуществующем, но предполагаемом общем – в некотором коллективном «мы». При этом иллюзия «мы» создает симулякрное подобие общности с архаическими структурами сознания: символическими и мифологическими.

На этом фоне в качестве важнейшей функции культурологического образования должна рассматриваться *компенсаторная*: изучение культуры в ее экзистенциально-персонологической заданности способно компенсировать недостаток индивидуального исторического и экзистенциального опыта, позволить индивидуальному сознанию выйти за границы собственного «Я», совершив тем самым экзистенциальную «метаноию» и вступив в ситуацию не внешнего, а внутреннего диалога. Иными словами, образование способно заместить то, что реализует сегодня, к примеру, блогосфера как одно из наиболее наглядных проявлений информационно-массовой энтропии. И действительно, если подмена «Я» никами и аватарами [1] аннигилирует это «Я», погружая его в пространство безграничной свободы, но аннигилирует тем самым и «внутреннего» человека с его индивидуальным экзистенциальным опытом и способностью к многоуровневой рефлексии, то культурологическое образование – погружение индивида в исторически и структурно неоднородное пространство культуры – дает возможность «Я» стать *иным*, предлагая ему не обезличенные маски, но *себя как иного*, и давая тем самым возможность не аннигиляции, а расширения субъективности. Поэтому история культуры – не просто знаниевый «багаж», отягощающий память и неприменимый в практической жизни, а способ трансцендирования «Я» в иное – тот «театр для себя», о котором писал в начале XX века Н. Н. Евреинов, создавая параллельную классическому психоанализу концепцию «инстинкта преобразования» [3]. «Театрализация жизни», согласно Евреинову, – это изначально присущая человеку способность перевоплощаться, становиться «иным». Именно это и составляет одно из оснований культурогенеза: не только миметизм – подражание, воспроизведение готовых форм и моделей, не только обусловленное практическими потребностями производство новых технологий, но трансцендирование себя в «иное» как экзистенциальный акт порождения нового бытия. Культура как рождение, согласно концепции М. С. Кагана, бытия из небытия [6, с. 505] экзистенциально и персонологически обоснована, и «взаимные превращения бытия и небытия в практической деятельности человека», пишет Каган, и в творимой воображением «специфической области небытия» – в искусстве – основа создаваемого человеком «инобытия» [Там же, с. 510-511]. Напротив, трансцендирование своего «Я» («Я» в качестве «самости») *вне* культуры может стать и становится деструктивным актом: агрессией или саморазрушением (посредством алкоголя, наркотиков, игромании), погружая индивидуальное сознание в энтропию абсурда или, используя выражение В. А. Сулимова, «когнитивной растерянности» [10, с. 44].

Образовательные стратегии в целом должны быть основаны поэтому на двух необходимых, хотя и разнонаправленных векторах. Отталкиваясь от идеи П. А. Сорокина, можно сказать, что это векторы, с одной стороны, интеллектуального и чувственного, с другой – «сверхрационального и сверхчувственного» бытия человека [9, с. 134], которые, как представляется, должны быть направлены (1) «вовне», к познавательной и практической деятельности и (2) «вовнутрь» – к «внутреннему» человеку, к экзистенциальному опыту индивида, обретающему, как следствие, способность проецирования себя в культуру. Культура по своей природе персонологична; «открытость» человека миру, его, говоря словами В. Франкла, «самотрансценденция» [11, с. 64] в мир культуры – свойство именно человека, в отличие его от животного. Собственно говоря, культурогенез – это и есть самотрансценденция личности.

Между тем, современность демонстрирует противоположные тенденции: наблюдаемый разрыв экзистенциального и коммуникативного, экзистенциального и социально-деятельностного, субъективно-персонологического и деперсонализованного (бюрократически и технологически обезличенного средой) – признак «индивидуализированного общества». При этом трансцендирование экзистенциального в текстовые, интеллектуальные, технологические или социальные практики оказывается невозможным или проблематичным. И только культурно-образовательный текстоцентризм может стать путем к «внутреннему» человеку, определяя возможность самопроектности индивида в социальные практики и трансцендирования – в тексты культуры. Поэтому, если понимать педагогическую деятельность в широком социально-культурном и философско-антропологическом контексте (то есть в полноте ее социальных, культурных и личностнообразующих аспектов), то исходить следует, прежде всего, из трактовки человека. На наш взгляд, убедительным является понимание человека как био-социо-культурного (М. С. Каган [5]) и как био-социо-культурно-экзистенциального (С. А. Лебедев [7]) существа – то есть существа, трансцендирующего свое «Я» и, тем самым, становящегося самопроектом. Но экзистенциально обоснованное трансцендирование «Я» в тексты и посредством текстов становится возможным в том случае, если сформирована экзистенциальная рефлексия, рефлексивность как способность помыслить свое «Я» в качестве *другого*, внеположного: в культурологическом смысле «вынесенного» за пределы самости (что уже в античности было понятийно определено Платоном как «исступление») в тексты культуры.

Расхождение экзистенциально-рефлексивного самотрансцендирования и коммуникации – ключевой момент семиотических процессов начала XXI века, поскольку коммуникация все больше тяготеет к обмену симулякрными фрагментами или десемантизированными свидетельствами «присутствия», фиксирующего индивида во времени и месте, но не предполагающего смысла этого присутствия, а индивидуальное сознание становится все более сложным, отягощенным глубиной культурной памяти и культурной рефлексии. Следует отметить в связи с этим отказ от смысла, «схлопывание» сторон семиотического треугольника, становящегося унылым тождеством слов и вещей, значений и смыслов, деконцептуализацию, способную обернуться формированием иных концептов, но чаще оборачивающуюся утратой или уплощением смыслов. Актуальной становится не столько «смерть автора», сколько, скорее, смерть его адресата, редукция коммуникации к замкнутой на себе циркуляции заранее данного (как, к примеру, в пении караоке или в телевизионных проектах «Один в один» или ему подобных). При этом треугольник классической семиотики или квадрат Л. Ельмслева редуцируется до двоичной системы, не предполагающей приращения смысла. Иными словами, переход от герменевтических и конструирующих интеллектуальных практик к рефлексивным включает в себе опасность отказа от интерпретативных моделей и тогда приводит к утрате смысла. Или же – в случае формирования индивидуального метаязыка (рефлексивной надстройки над кодами и языками интериоризируемой в процессе образования культуры) – становится путем к иным моделям смыслообразования.

Этот двойственный процесс с очевидностью демонстрируют практики современного искусства, и можно повторить вслед за С. Зонтаг: «в современном искусстве многое мотивируется желанием спастись от интерпретации» [4, с. 15]. Стремление «восстановить в правах магию мира» ставит на место герменевтики «эротика искусства» [Там же, с. 18], на место «культуры значения», как справедливо отмечает Х. У. Гумбрехт, – «культуру присутствия», встроенную в «негерменевтическое поле» материальных факторов [2, с. 27]. Но возврат от новоевропейского понимания знаков, сохраняющих «пространственно-временную дистанцию от обозначаемых ими субстанций», что придает материальности означаемого второстепенный характер [Там же, с. 42], возврат к «эффектам присутствия» становится, на наш взгляд, реанимацией изначального семиотического синкретизма – символа.

Замена интеллектуальной дифференцированности знака на синкретизм символа приводит к трансформациям в сфере эстетического, сливающим семиотическое и эстетическое в нечленимое суггестивно-аффективное целое, обращает к когнитивным, семиотическим, социальным формам архаики и к новой мифологизации. Эстетический опыт, всегда колеблющийся между «эффектами присутствия» и «эффектами значения» [Там же, с. 16], оказывается смещенным к «присутствию» – особенно если речь идет о современных художественных практиках, не поддающихся истолкованию и все более усиливающих позиции «негерменевтического поля».

Можно предположить, однако, что в глубинах неосимволизма вызревают новые семиотические формы и когнитивные модели. На этом фоне вырисовывается важнейшая задача культурологического образования – создать возможность самообоснования личности, сформировав новые формы мышления (а не только и не столько наполнив их набором сведений историко-культурного характера или фактами и теориями современного социально-гуманитарного знания), основанного на возможности симультанного схватывания разнородных информационных сгущений, на возможности ассоциативно-тропологического понимания. Культурологическое знание должно стать обязательным в системах высшего и среднего образования: являясь по своей природе *экзистенциально-рефлексивной формой знания*, оно способно обратить индивида к собственным экзистенциальным основаниям, актуализируя его самоосознание и самообоснование, формируя не только индивидуальную, но и социальную – гражданскую, национальную, культурную – идентичность. Иными словами, процесс культурогенеза как экзистенциально и личностно обоснованной деятельности представляет собой исторически разворачиваемую персонально, и культурология в этом свете становится принципиально *новой объяснительной моделью*, связывающей социальный, культурный и экзистенциальный опыт индивида, знание и деятельность. Культурологическое знание как путь к самообоснованию, самопроектированию и самотрансцендированию человека и есть форма реализации современного культурогенеза.

Список литературы

1. **Вокуев Н. Е.** «Смерть бога» и «аватаризация человека»: к вопросу о самопроектируемой личности // Вопросы культурологии. 2011. № 4. С. 108-112.
2. **Гумбрехт Х. У.** Производство присутствия: чего не может передать значение. М.: Новое литературное обозрение, 2006. 184 с.
3. **Евреинов Н. Н.** Театр для себя // Евреинов Н. Н. Демон театральности. М. – СПб.: Летний сад, 2002. С. 115-406.
4. **Зонтаг С.** Против интерпретации // Зонтаг С. Мысль как страсть: Избранные эссе 1869-70-х годов. М.: Русское феноменологическое общество, 1997. С. 9-18.
5. **Каган М. С.** И вновь о сущности человека // Отчуждение человека в перспективе глобализационного мира. СПб.: Петрополис, 2001. С. 48-67.
6. **Каган М. С.** Метаморфозы бытия и небытия // Каган М. С. Избранные труды в VII томах. СПб.: Петрополис, 2006. Т. II. Теоретические проблемы философии. С. 501-521.
7. **Лебедев С. А.** Философия науки: Словарь основных терминов. М.: Академический проект, 2004. 320 с.
8. **Румянцев О. К.** Элита времени // Интеллектуальная элита в контексте русской истории XIX-XX вв. / под ред. Т. А. Пархоменко. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2012. С. 28-52.
9. **Сорокин П. А.** Моя философия – интегрализм // Социологические исследования. 1992. № 10. С. 134-139.
10. **Сулимов В. А.** Личность эпохи переходности: преодолевая границы // Человек. Культура. Образование. 2013. № 1 (7). С. 35-47.
11. **Франкл В.** Человек в поисках смысла: сборник / пер. с англ. и нем.; общ. ред. Л. Я. Гозмана и Д. А. Леонтьева. М.: Прогресс, 1990. 368 с.

**CULTUROLOGICAL KNOWLEDGE AND EXISTENTIAL PERSONOLOGY
(EDUCATION AND CULTUROGENESIS)**

Fadeeva Irina Evgen'evna, Doctor in Culturology, Professor
Syktuykar State University
iefadeeva@mail.ru

The article is devoted to the problems of modern culturogenesis, which, according to the author's idea, is a result of the projection of individual –I' in the space of culture. The author believes that the initial point of culturogenesis is the existential experience of an individual that in modern situation contradicts technologized and bureaucratized environment. In the work the significance of culturological education as a necessary factor, which determines the transcendence of –I' and therefore a factor of culture development, is grounded.

Key words and phrases: culturogenesis; existential experience; existential-reflexive activity; reflection; culturological education.

УДК 7.03

Искусствоведение

Художественный рынок России, находящийся на стадии становления, представляет большой интерес с точки зрения науки. В статье автор рассматривает особенности формирования регионального художественного рынка на примере города Ростова-на-Дону. Как отмечается в работе, важную роль в этом процессе играет деятельность учебных заведений художественного профиля. В тексте статьи автор приводит исторические сведения, позволяющие ознакомиться со становлением художественного образования на Дону и его влиянием на художественную жизнь города и области. В заключении приводятся структурированные выводы о том, как система профессионального образования определяет вектор развития художественного рынка региона.

Ключевые слова и фразы: художественный рынок; художественная жизнь; профессиональное художественное образование; высшие учебные заведения; изобразительное искусство.

Фиськов Анатолий Анатольевич

Санкт-Петербургский гуманитарный университет профсоюзов
aaf2308@yandex.ru

**ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ КАК ВАЖНЫЙ ФАКТОР РАЗВИТИЯ
ХУДОЖЕСТВЕННОГО РЫНКА (НА ПРИМЕРЕ Г. РОСТОВА-НА-ДОНУ И ОБЛАСТИ)©**

Художественный рынок России на сегодняшний день находится на стадии формирования. В отличие от таких стран как Великобритания, Соединенные штаты Америки и Япония данный вид коммерческой деятельности в России является относительно новым и соответственно недостаточно изучен не только со стороны его экономических и социальных особенностей, но и с точки зрения искусствоведения. По замечанию исследователя художественного рынка П. Досси основной спецификой художественного рынка является то, что «...произведение искусства – это объект, извлекающий ценность из собственной сути. Эта ценность не зависит от религиозного значения, политической выгоды, финансового потенциала. Произведение искусства – это воплощение творческой энергии одиночки и, тем самым, символ главного идеала нашей культуры: свободы личности. Рынок, напротив, является местом обмена товаров, где вещь приобретает ценности в акте обмена. Рынок сводит ценность произведения искусства к сумме денег, которую покупатель в данный момент готов за него заплатить» [2, с. 24]. Важнейшим этапом в процессе изучения особенностей художественного рынка страны является тщательный анализ условий и факторов, оказывающих влияние на его формирование и развитие.

Художественный рынок тесно связан с общими тенденциями развития искусства в том или ином регионе. В то же время, важнейшим фактором, оказывающим влияние на художественную жизнь того или иного города или области, является наличие на его территории профессиональных сообществ или учебных заведений соответствующего профиля, обеспечивающих постоянное поступление на художественный рынок произведений изобразительного искусства, выполненных высокопрофессиональными специалистами в этой области.

Примером этому может служить деятельность учебных заведений художественного профиля города Ростова-на-Дону – города с богатым историческим и культурным наследием, что в полной мере относится и к системе художественного образования.

На данный момент на территории г. Ростова-на-Дону и области работает множество учебных заведений, ведущих подготовку по разнообразным творческим специальностям. Ведущими в этой области является Южный Федеральный университет, Ростовский художественный техникум им М. Б. Грекова, Южнороссийский гуманитарный институт и многие другие.